

Шэнь Цинчжоу ошеломлённо всматривался в гладкую белизну нефритовой пластины. Мысли его замерли, разум опустел.

Дунфан Цзе оставалась на удивление хладнокровной. Не ставя под сомнение то, почему кровь юноши вернула артефакту прежний облик, она обратилась к Лю Бэй:

— Так это и есть та самая Куньлуньская нефритовая книга?

— Лишь одна из её пластин, — спокойно ответил Лю Бэй.

Жестом попросив Шэнь Цинчжоу передать ему нефрит, он бережно принял его и принялся медленно поглаживать большим пальцем. Грубые, мозолистые пальцы бережно коснулись камня, впитывая его мягкое тепло, а на суровом, иссечённом временем лице проступила светлая печаль былого.

Легким движением запястья Лю Бэй перевернул пластину, показывая её другую сторону. Оказалось, что там вырезаны древние письмена, похожие на переплетающиеся виноградные лозы.

Штрихи были неровными, грубыми, а сами знаки едва ли выстраивались в ровные ряды. И всё же от них веяло первозданным величием — силой столь безграничной, что она словно увлекала душу в бескрайние, нетронутые пустоши ушедших эпох.

— Знаете, о чём здесь написано? — спросил Лю Бэй.

Дунфан Цзе покачала головой:

— Эти письмена слишком древние и тёмные. Моих скромных познаний недостаточно, чтобы разобрать их.

Но взгляд стоявшего рядом Шэнь Цинчжоу переменился.

Он точно знал, что видит эти знаки впервые в жизни, но стоило им запечатлеться перед его взором, как смысл слов сам собой хлынул в сознание. Будто когда-то давно он уже изучал этот мёртвый язык.

— Здесь сказано: «За Восточным морем лежит великая бездна, где раскинулось Царство Шаохао...» — Голос Шэнь Цинчжоу звучал тихо и отстранённо, взгляд его блуждал по нефриту, словно разум юноши целиком поглотила эта свидетельница ушедших веков. — «... Шаохао взрастил здесь императора Чжуаньсюя и оставил свои гусли и лютни. Есть там гора Ганьшань, откуда берет начало Бездна Гаюань, изливая свои сладкие воды...» Это же «Канон Великих пустошей Востока» из «Книги гор и морей»!

Дунфан Цзе удивлённо приподняла брови и искоса взглянула на Шэнь Цинчжоу. Она никак не ожидала, что он способен читать столь древний, всеми забытый язык.

«Пэнлайский род Цинь и впрямь таит в себе бездонные глубины. Отец был прав: пока нет крайней нужды, вражда с ними — худшее из решений».

Выслушав его, Лю Бэй со вздохом кивнул:

— А-Чжоу прав. То, что люди зовут Куньлуньской нефритовой книгой, вернее было бы назвать Книгой Гор и Морей. Это самый первый, изначальный её список. И в нём заключена сила, о которой смертные даже не догадываются.

Говоря о тайнах древнего артефакта, он не сводил глаз с Шэнь Цинчжоу.

— Если бы не этот обломок нефрита, моя душа давно бы рассеялась, не дожив до этих дней.

И Лю Бэй поведал им историю — предание о делах давно минувших лет.

Как он уже упоминал ранее, у Чжугэ Ляна был книгоноша по имени Чжугэ Чжоу. Мальчик отличался живым умом и кротким нравом, а потому в государстве Цзи Хань все относились к нему с душой. Даже те немногие, кто недолюбливал сироту, не смели выказывать пренебрежения из уважения к великому Чжугэ Ляну.

И именно этот обломок нефрита, спасший душу Лю Бэя, Чжугэ Чжоу положил в его гробницу в качестве погребального дара.

Когда-то цельная нефритовая пластина раскололась на три части. Первая упокоилась в недрах гор вместе с Белым Императором Шаохао, а две другие послужили обителью для духа Лю Бэя.

Должно быть, Чжугэ Чжоу ведал о чудесных свойствах Куньлуньской книги оберегать и удерживать от распада угасающие души. Иначе он не решился бы во что бы то ни стало опустить эти реликвии в усыпальницу императора Чжаоле.

Но частицы расколотого артефакта, когда-то бывшие единым целым, неодолимо тянулись друг к другу сквозь любые расстояния. Словно природные магниты, они стремились воссоединиться, и как только сдерживавшие их чары ослабевали, пускались на поиски недостающих звеньев.

Ведомый этой слепой тягой, дух Лю Бэя сам не заметил, как очутился в Бездне Гаюань, у ворот сокрытого от мира Города Белого Императора.

Замысел Чжугэ Чжоу удался: после кончины государя его три души и семь земных душ не

растворились в небытии. Однако в то же время план его потерпел крах. Нефритовый осколок обратился в невидимые оковы для императора Чжаоле, навек запершие его в пределах Царства Шаохао.

Желанного воссоединения книги так и не произошло: древнее табу Белого Императора преградило Лю Бэю путь к последнему фрагменту. Духу оставалось лишь неприкаянно скитаться во мраке подземных лабиринтов, давно потеряв счёт пролетающим векам.

Тьма казалась бесконечной. Лишь обладая несгибаемой волей, можно было сохранить рассудок в этой вековой изоляции и не сойти с ума. Спасаясь от удушающего одиночества и скуки, Лю Бэй раз за разом воскрешал в памяти славные дни своей юности и наощупь высекал на стенах те самые картины, что они видели.

Только эти рисунки напоминали ему, кем он был на самом деле, позволяли до сих пор мыслить и говорить по-человечески, не давая безумию поглотить его разум.

Скитания продолжались до тех пор, пока семьсот лет назад покой подземелий не нарушила незваная гостья — маленькая девочка.

Звали её Ли Чжао. Та самая, которой суждено было стать первой в истории женщиной-императором.

— Тай-цзу династии Ян, Ли Чжао! — потрясённо выдохнул Шэнь Цинчжоу, лишившись дара речи от изумления. — Семь веков назад... вы повстречали саму основательницу династии Ян?

Эпоха Троецарствия миновала, а сменившие её династии Вэй и Цзинь пролетели как краткий миг. За ними последовала эпоха Сюань, затем — Лань, а после неё — Юань. Когда рухнула и Юань, Поднебесная раскололась в беспощадной борьбе между Южной Лян и Северной Цан. Лишь спустя столетия смуты на арену истории шагнула дева, чья воля сокрушила мятежников и объединила земли во всех четырёх направлениях.

Этой женщиной была Ли Чжао, заложившая основы великой династии Ян.

После кончины основательницы престол унаследовала её дочь. Она прославилась как мудрым правлением, так и ратными подвигами, претворив в жизнь великие реформы, но небеса оказались завистливы — государыня ушла из жизни в самом расцвете сил. Ей дали посмертное имя Вэнь-ди и храмовое имя Тай-цзун.

Дочь покойной Тай-цзун взошла на престол совсем юной. Она снизила подати и избавила народ от тягот, заслужив искреннюю любовь подданных. Увы, роды будущей наследницы подкосили её здоровье, и вскоре молодая правительница скончалась, оставшись в анналах под именем Хуэй-ди.

Так четвертый правитель династии Ян оказался на ледяной вершине власти, будучи ещё младенцем. Властолюбивые родичи по материнской линии прибрали к рукам управление государством. Начались нескончаемые поборы, воцарился хаос, а древние устои и законы были попорчены.

В конце концов временщики свергли законного наследника. Юный император Чун-ди был предательски убит, а великая династия Ян, не просуществовав и века, угасла на четвёртом колене.

— Хуэй-ди и Чун-ди... Эх, если бы императрица Хуэй-ди прожила дольше, династия Ян не пресеклась бы так скоро, — с горечью выдохнула Дунфан Цзе, искренне сожалея о трагедии прошлого.

Лю Бэй на мгновение опешил.

— Ли Чжао всё-таки взошла на трон? И назвала государство Ян? — Он растерянно забормотал себе под нос: — Четыре поколения... Всего четыре поколения, и крах. А последнего нарекли Чун-ди... Значит, дитя на троне оказалось бессильно пред вельможами. Неужто и их удел, подобно нашей Хань, погубили наглые царские родичи?

— Именно так, — кивнул Шэнь Цинчжоу и в нескольких словах обрисовал Лю Бэю судьбу ушедшей династии Ян. В конце он не удержался от вопроса: — Выходит, основательница династии тоже бывала здесь?

— Кто знает, может, то была просто тёзка, — пожал плечами Лю Бэй. — Одно скажу наверняка: девчушка по имени Ли Чжао случайно забрела в Царство Шаохао и натолкнулась на меня.

В те годы Ли Чжао ещё не помышляла о великих свершениях. Она была простой, едва обученной грамоте сиротой — простодушной, не знавшей жизни, со светлой и чистой улыбкой.

От неё Лю Бэй и узнал своё посмертное имя Чжаоле, а также горькую весть о падении родной Цзи Хань.

Девчушка жаловалась, что южные власти гребут в солдаты всех без разбора. В её доме не осталось мужчин, и забрать решили её саму. Она горько плакала, понимая, что вряд ли уцелеет в грядущей войне. Ведь на войне пощады нет ни слабому, ни сильному, и сталь без разбора разит и мужей, и жён.

То ли из жалости к сироте, то ли в благодарность за весточку о канувшей в небытие родине, Лю Бэй отдал Ли Чжао одну из своих нефритовых пластин, надеясь, что благословенный камень сбережёт её от верной гибели.

— Значит, третья часть... — Дунфан Цзе скользнула взглядом по воссоединённой скрижали и поправилась: — Значит, тот осколок вы сами вручили прародительнице Ли Чжао? Но как же он, пройдя сквозь века, очутился у меня? И отчего все верили сказке, будто я родилась, сжимая этот нефрит в ладони?

Признаться, Дунфан Цзе не слишком хотелось признавать знамение собственного рождения дешёвым обманом. Но Лю Бэй, древний дух ушедшей эпохи, не имел причин для лжи.

— Откуда мне знать такие тонкости? — развёл руками Лю Бэй с подкупающим добродушием. — Твоя матушка-императрица в те часы едва ли спала. Коли жаждешь правды, вернись во дворец да спроси у неё лично.

На лице принцессы промелькнуло мимолётное сомнение, но мгновение спустя её черты вновь обрели холодную, царственную невозмутимость.

Шэнь Цинчжоу не желал лезть в тайны императорского дома. Бережно сжимая в ладонях Куньлуньскую скрижаль, он боялся даже вздохнуть, чувствуя себя крайне неловко.

Эта реликвия была некогда расколота на три части. Одно её крыло принадлежало покойному Белому Императору, другое хранил Лю Бэй, а третье, перейдя от Ли Чжао к наследникам, стало достоянием правящего дома Великого Цянь. Пусть даже легенда о рождении принцессы была вымыслом, осколок по праву принадлежал казне.

Как принцессе Чандин оправдаться перед государем за утрату сокровища? И где теперь уютится бедному духу императора Чжаоле, лишившемуся земной обители?

Заметив его смятение, Лю Бэй с улыбкой потёр гладко выбритый подбородок:

— А-Чжоу, береги этот свиток пуще глаза. Нефрит Куньлуня сам по себе дарует великую силу в учении, а эти письма и вовсе бесценны. Гляди, чтобы какая-нибудь лихая душа не позарилась на твою добычу.

— Но отчего вы отдаёте её мне? — поразился Шэнь Цинчжоу. — Что станет с вашим духом? И как быть принцессе Чандин?

Дунфан Цзе лишь равнодушно покачала головой:

— Без ауры былого величия эта вещица — всего лишь кусок красивого камня. Потерян и ладно. А с батюшкой я как-нибудь договорюсь, чай, не впервой.

Поистине, величие принцессы Чандин не знало границ — швыряться подобными сокровищами могла лишь она. Шэнь Цинчжоу невольно усмехнулся про себя.

— Вот именно. Не всякому смертному дано пробудить силу Куньлуньской книги, — поддакнул Лю Бэй, шутливо кивая. — К тому же, вернув её тебе, мы лишь восстановили справедливость. Она вернулась к законному владельцу.

«К законному владельцу?»

Шэнь Цинчжоу горько вздохнул:

— Ваше Величество, взгляните в меня получше. Я простой скиталец, не имеющий ничего общего с Чжугэ Чжоу. Разве подобает мне, безродному страннику, равнять себя с тем, кто следовал за великим Чжугэ Ляном?

Лю Бэй упрямо отвернулся и зажмурился, делая вид, будто его слова пролетели мимо ушей.

— Государь?

— Не слышу, не слышу! Ни единого слова не разобрал! — нарочито громко проворчал Лю Бэй, скрестив руки на груди и упрямо отворачиваясь.

Ребячество великого основателя династии Хань вызвало у Шэнь Цинчжоу невольную улыбку, смешанную с тихой грустью.

Лю Бэй томился в Царстве Шаохао почти две тысячи лет. Сколько же беспросветного одиночества ему довелось пережить!

Он наверняка тосковал по своим верным Пяти генералам, по преданному Чжугэ Ляну, по подданным и по величию ушедшей Хань. Какое отчаяние, должно быть, захлестнуло его сердце, когда девчушка рассказала о бесславном конце его царства и о сыне, упивающемся чужими яствами и забывшем об отчем доме!

Если черты его лица способны пробудить в душе этого измученного вечностью воина память о старом друге, если это принесёт ему хоть крупицу покоя, то почему бы на краткий миг не стать для него тем самым безвестным Чжугэ Чжоу?

Он мягко шагнул вперёд и тихо, ласково произнёс:

— Мой господин. Посмотрите на меня. Ваш А-Чжоу вернулся. Повернитесь же.

Лю Бэй приоткрыл один глаз и смерил его недоверчивым взглядом. Юноша готов был поклясться, что расслышал тихое, ворчливое фырканье.

Дунфан Цзе наблюдала за этой сценой, прикрыв рот ладонью, но весёлые искорки в её глазах выдавали едва сдерживаемый смех.

Впрочем, сердиться Лю Бэй умел не лучше малого дитяти. Стоило Шэнь Цинчжоу уступить, как старый государь тут же повернулся обратно, вновь приняв свой привычный, залихватский вид вольного бродяги-мечника.

— Ладно тебе! Раз велют брать — бери и не спорь! — Лю Бэй с размаху хлопнул его по плечу так, что у Шэнь Цинчжоу перехватило дыхание. — Свои же люди, к чему эти церемонии!

Шэнь Цинчжоу покачнулся под ударом дружеской длани.

— Но... как же вы?

— Я? Обо мне не печалься, — Лю Бэй беспечно отмахнулся, и на его губах заиграла лёгкая, умиротворённая улыбка.

Шэнь Цинчжоу понуро опустил голову, не в силах смотреть, как очертания духа становятся всё прозрачнее.

Смертные уходят в небытие за семь дней, растворяясь в первозданном хаосе. Лишь те немногие призраки, что обрели прочное земное пристанище, способны веками удерживать свою форму. Лишившись Куньлуньского нефрита, Лю Бэй был обречён на вечное угасание.

Взгляд Лю Бэя потеплел. Он поднял прозрачную руку, порываясь снова хлопнуть юношу по плечу, но помедлил и ласково, по-отцовски взъерошил ему волосы.

У Шэнь Цинчжоу защипало в глазах, к горлу подкатил тяжёлый ком.

— Будет тебе кручиниться, А-Чжоу. Вижу, что ты жив и невредим, и на душе у меня легко, — прошептал Лю Бэй. Образ его почти растаял в воздухе, но глаза по-прежнему горели ярким, живым пламенем. — Пора мне. Заждались меня названные братья — и второй, и третий. И Кунмин с Цзылуном тоже заждались.

Он уходил туда, где вечно цвели персиковые сады его юности.

Окинув взглядом каменную залу, старый воитель заметил парные клинки на поясе Дунфан Цзе.

— Похоже, у вас тут лихое дело намечается? Силы во мне ещё теплятся. Дай-ка мне один из своих мечей, прорубим дорогу к свету!

Заметив, что Шэнь Цинчжоу собирается возразить, он упредил его взмахом руки:

— Хватит с меня сырого склепа. Не желаю испустить последний вздох в этой тёмной норе.

— Нет, дело в другом, — Шэнь Цинчжоу торопливо извлёк из широкого рукава сложенный лист бумаги. — Мой господин, взгляните на это. Это прошение, которое наш великий канцлер направил молодому императору перед тем, как двинуть войска на север.

— Что ещё за прошение? — с любопытством пробормотал Лю Бэй.

Шэнь Цинчжоу сделал глубокий вдох, с трудом сдерживая дрожь в голосе:

— «Мемориал о начале похода».

<http://bllate.org/book/18428/1862740>